

Нава Ванда ШАХВЕРДОВА – Алина УРАЗБЕКОВА

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»
В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «АЛМАЗНАЯ КОЛЕСНИЦА»***

**Linguistic Means of Constructing “Own” and “Other”
in the Novel by B. Akunin “The Diamond Chariot”**

Abstract

The article discusses the ways of linguistic construction of the concepts “own” and “other” in B. Akunin's novel “The Diamond Chariot”. The methodological basis of the study is the cognitive discursive analysis. The protagonist of the novel arrives in Japan and meets new realities, objects, places and social organization of life. In this process, we observe the contact of two cultures – Japanese and European-Russian. Japanese in the novel appears in a wide layer of Japanese vocabulary, which is introduced into the text in a variety of ways (translation in the text, translation in a footnote, explanation, repetition with translation, the use of a foreign word in a known for Russian culture bearer context). The process of cognition of a foreign culture is accompanied by constant assessments through the prism of one’s previously learned experience. Evaluation is a structural characteristic of the construction of one’s “own” and “other” and reflects the dynamic nature of the process of acquaintance with a foreign culture. Other ways to embed foreign words in the text – using the structure of the concept – are also presented in the article. The experience of two cultures meeting also appears in the linguistic form in the communication of multilingual heroes of the novel among themselves, the characteristics of this strangers’ discourse are described (interspersed with English, as well as interspersed with English and Japanese, written in Cyrillic).

Keywords: “own”, “other”, *linguistic picture of the world, discursive cognitive analysis, foreign words, discourse*

0. Введение

В данной статье рассматриваются способы конструирования «своего» и «чужого» в романе Б. Акунина «Алмазная колесница» [АКУНИН 2003, 2015]¹; с опорой в основном на 2-й том произведения выявляются некоторые средства и приемы описания «чужого» и «своего» при встрече двух очень далеких друг от друга культур.

Роман «Алмазная колесница» является завершающим в цикле, состоящем из девяти книг. Жанр произведения исследователи определяют как детективный

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» в рамках научного проекта № 21-512-23003 «“Свое” и “чужое” в современном русском (русскоязычном) и венгерском художественном тексте». The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 21-512-23003.

¹ В дальнейшем цитируется издание 2015-го г.

приключенческий роман, а также относят к жанру исторической беллетристики, развлекательной авантюрной литературы [КАЗАЧКОВА 2015, ЛУРЬЕ 2000]. Действие разворачивается в Японии, встреча героев, принадлежащих к разным культурам, представляет возможность изучения лингвистического оформления конструирования «своего» и «чужого» в тексте, протагонист которого попадает в страну культуры, сильно отличающейся от европейской, и встречается с новыми реалиями, предметами, местами, социальной организацией быта, национальным менталитетом. В процессе этой межкультурной встречи происходит сравнение культурных артефактов, попытка найти им соответствие, «межкультурный перевод», беспрестанная категоризация согласно универсальной дихотомии «своего» и «чужого». В результате анализа текста были выявлены некоторые лингвистические средства, при помощи которых реализуется эта оппозиция в дискурсе, а также репрезентация универсальных и специфичных культурных языковых концептов в двух столь различных культурах, рассмотрен пласт иноязычной лексики, диалоги носителей разных языков – дискурс на неродном языке, включая иноязычные вкрапления, в романе несет особенности высказываний, связанных с выражением упомянутой категоризации.

Роман «Алмазная колесница» – одно из многих произведений Акунина, содержащих в тексте разнообразные средства конструирования «своего» и «чужого», среди таких произведений можно упомянуть и роман этого же цикла «Турецкий гамбит» [см. САМОТИК 2005], наиболее похожий на рассматриваемый нами в данной статье. Оба текста характеризует наличие большого количества иноязычной лексики и пояснений, описаний, связанных с представлением и восприятием иной культуры героями романа, а также рефлексией русской культуры носителем иностранного языка. Начиная с романа «Смерть Ахиллеса» (1998) Япония так или иначе появляется в акунинском тексте в лице японского камердинера Масы, то есть мы видим представление «русскости» или «европейскости» как «чужого» во внутренних монологах героя, диалогах или пояснениях нарратора. В романе «Алмазная колесница» такой «взгляд изнутри»² представлен также в размышлениях «потомственного ёрика» полицейского Асагавы, консульского письмоводителя Сироты, «японского Санчо Панса», верного слуги Фандорина Масы и других, для которых поведение русских персонажей является «чужим», отсюда следует не всегда верная интерпретация этого поведения, зачастую создающая комический эффект (например, описание завтрака Фандорина в главе «Сердце Мамусы» с точки зрения Фандорина и Масы).

Следовательно, основой описания конструирования «своего» и «чужого» становится процесс знакомства героев с экзотической для них далекой культурой и осмысление этой иноземной культуры, которое воплощается в наблюдениях и рефлексиях героев, их размышлениях, диалогах и в нарраторском тексте посредством языковых средств и авторских приемов.

² Точка зрения носителя экзотической для русского читателя культуры – японца.

1. Теоретические и методологические основы исследования

Методологической базой исследования являются труды о структуре языковой картины мира, взгляде на язык с точки зрения когнитивно-дискурсивного анализа Н. Д. Арутюновой [АРУТЮНОВА 1998], Т. ван Дейка [ВАН ДЕЙК 1989], Е. С. Кубряковой [КУБРЯКОВА 2004, 2009], О. С. Иссерс [ИССЕРС 2017], Л. П. Крысина [КРЫСИН 1967, 1977], И. А. Стернина [СТЕРНИН 2018], З. Д. Поповой [ПОПОВА 2007], А. Б. Пеньковского [ПЕНЬКОВСКИЙ 2004], Ю. С. Степанова [СТЕПАНОВ 2001] и других.

Базовым, универсальным концептам «свое» и «чужое» посвящено множество научных трудов; возросший интерес к концептуализации таких категорий человеческого опыта, знаний, проявили исследователи-когнитивисты [АНДРЮЩЕНКО 2011, БЕЛОВА 2008, ЛАПТЕВА 2013, СЕРЕБРЕННИКОВА 2004, СТОЯНОВА 2015]; описывалась семантико-прагматическая структура оппозиции «свое – чужое», в более узком смысле «я – не я» [САХНО 1991, ПЕНЬКОВСКИЙ 2004]; данные концепты рассматривались в русской или сопоставительной фраземике [ЛАПТЕВА 2013, ЮЛДАШБАЕВ 2011, 2013] в дискурсе различных институтов, например в судебном дискурсе [БОГОМАЗОВА 2019].

Разнообразные подходы объединяет идея о базовом универсальном принципе бинарного деления мира на «свой – чужой» с негативной оценкой «чужого» [ЛОТМАН 1969: 465, ПЕНЬКОВСКИЙ 2004: 13], что и объясняет постоянное присутствие категоризации в дискурсе, влияет на его оформление. «Аксиологическая дифференцировка («опасно» vs. «безопасно», «полезно» vs. «вредно», «свое» vs. «чужое» и т. п.) лежит в основе человеческой жизнедеятельности, поэтому и в межкультурной коммуникации мы сталкиваемся, в первую очередь, с оценочными стереотипами, пресуппозициями, которые оказывают существенное влияние на начало, осуществление и последствия коммуникации» [КАРАСИК 2002: 29]. Таким образом, оппозиция «свой» – «чужой» обладает категориальным статусом, является основой для классификации и характеристики явлений, составляющих картину мира [СЕРЕБРЕННИКОВА 2004: 19–20].

Несмотря на то, что по теме написано большое количество работ, вопрос с трудом поддается описанию из-за своей сложности, многоплановости: «Смысловая дихотомия свой–чужой представляет собой сложное многомерное ментальное образование, которое отражает способы интерпретации действительности, основываясь на двойной актуализации амбивалентного компонента свой и его амбивалентного противопоставления понятия чужой» [СОЛОМИНА 2011: 27].

Стоянова определяет дихотомию своего и чужого как онтологическую бинарность устройства мира, это разделение становится ориентиром языковой личности в процессе интерпретации знакового объекта, относительно их прокладываются границы этого разделения. «Традиционное видение мира или его категоризация на основе бессознательных структур мышления представляет собой своеобразный каркас языкового знания, которое сохраняется лингвокультурой. Это знание создает основу ориентации человека в мире, следовательно,

влияет на возможности осуществляемой им концептуализации и категоризации своего окружения» [СТОЯНОВА 2015: 195–196].

Осмысление универсального деления на свое и чужое может рассматриваться на различных уровнях – семантическом, лингвокультурном, когнитивном, общим в которых является момент познания, позволяющий структурировать окружающую реальность. На более узком объекте изучения – фразеологизмах – это описывает в своей диссертации М. Л. Лаптева: «Своё / Чужое» является оппозицией, которая может выступать как (1) семантическая категория противоположности, выделяемая на основе бинарных оппозиций, которые приобретают статус организующего центра, обеспечивающего упорядоченность и устойчивость фразеологической структуры; (2) лингвокультурная категория, которая задаёт координаты познания и понимания мира, раскрывает, каким образом во фраземике находят отражение результаты социальной деятельности по усвоению элементов духовной и материальной культуры; (3) когнитивная категория, во многом структурирующая познавательную, мыслительную деятельность человека, репрезентирующая такие области языковой семантики, в которых получает отражение личностный опыт индивида, а также совокупность представлений, воззрений, «чувствований» национальной общности» [ЛАПТЕВА 2013].

Кашкин [2004: 53] говорит о маркировании семиотической границы в межкультурной коммуникации и вводит термин *маркеры своего и чужого*. Характеризуя межкультурные отношения, он различает три уровня описания: уровень общекоммуникативных установок («свой» vs. «чужой» язык, культура), который ученый относит к уровню системы; уровень концептов («свое» vs. «чужое» слово, имя, понимание слова и т.п.), который автор относит к уровню элементов, и уровень коммуникативного поведения («своя» vs. «чужая» модель поведения, речь), то есть уровень дискурса. При отборе и организации языкового материала, представленного в нашей статье, мы вычленили основные языковые явления, отражающие базовое разделение реальности на «свое» и «чужое», и пришли к выводу, что чаще их можно отнести к уровню элементов дискурса – это высказывания и оценки героев романа, связанных с базовыми концептами своей и чужой культуры, их общение, оформленное для коммуникации с чужаком.

Методом сплошной выборки были отобраны примеры, в которых появлялась концептуализация своего и чужого, составлена картотека из примеров, в которых отображалось восприятие или сопоставлялось «чужое» и «свое», затем эти примеры классифицировались с точки зрения приема конструирования концепта, была проведена интерпретация примеров, дополненная контекстуально-стилистическим анализом, и сделаны обобщения. Исследование представляет собой лингвистический анализ дискурса своего и чужого, выявление особенностей реализации артефактов своего и чужого в тексте романа и описание лингвистических характеристик некоторых типичных способов конструирования концептов «свое» и «чужое».

2. Цивилизованные туземцы – оценка «чужого» как способ осмысления культуры

Жанр «Алмазной колесницы» ранее определялся как авантюрный роман, но может характеризоваться и как шпионский роман, в котором центральная роль отводится отношениям и борьбе двух держав за влияние на Дальнем Востоке, а также стремлению Японии идти своим путем и найти свое место в этой геополитической борьбе. В рамках этих событий происходит встреча культур на индивидуальном и общественном уровне. Таким образом создается концепт «японскости» и «европейскости» – Японии, России и Англии в знаковой системе романа. В своем анализе мы уделяем больше внимания концептам «японскость» как описывающему «чужое» и «европейскость» как представляющему «свое»,³ концепты «Россия» – «русскость» также представляют широкий пласт в тексте и требуют отдельного исследования. Позиции «свой» – «чужой» время от времени меняются, когда мы встречаемся с внутренними монологами, рефлексиями и оценкой событий японцами. Представление «чужой» точки зрения как «своей» оказывает особый стилистический эффект, так как в привычную концептуальную рамку попадает чужеродный объект.

Фандорин, главный герой романа, встречается с совершенно незнакомой⁴ для него ранее культурой, освоение и принятие которой его захватывает совершенно, он постепенно «ояпонивается» и в остальных романах цикла уже становится носителем «иной» культуры.

Познание нового всегда проходит с позиций известного и сопровождается постоянной оценкой, это активный динамичный процесс, который конструируется в языковом оформлении. Исходной точкой этого пути для Фандорина является культурный стереотип. Прибывший в Йокогаму Фандорин ищет стереотипную Японию – «картинку с лаковой шкатулки», перечисляя практически все бытующие в русском языковом сознании стереотипы – пагоды, джонки, японки в кимоно с веерами и самураи с двумя мечами, однако получает разочаровывающие ответы, «лишаясь последних надежд на *восточную экзотику*» [АКУНИН 2015: 6]: упомянутые дамы предлагают свои прелести в чайных домах, а самураям запретили носить холодное оружие. Главный герой рассчитывал на стереотипную экзотику «чужого», но вместо нее с разочарованием обнаруживает «свое», «обычное» европейское – это касается одежды и построек, наличия «преотличной» железной дороги:

«Судя по толпе, в этом городе *одевались не по-колониальному, а самым обычным образом, по-европейски*» [4].

³ Слово *Япония* употребляется в тексте романа 86 раз, а *Россия* – 96 раз, *Британия* и *британцы* – всего 40 раз. Описание героев-британцев или же американца Локстона, а также изображение Британии основываются на стереотипах того времени.

⁴ «– <...>Причина тут может быть только одна: вы наверняка очень любите Японию! Я угадал»
– Нет, – пожал плечами Печорин и покосился на гвоздику в консуловой петлице.
– Как можно любить то, чего совсем не знаешь?» [3]

«А Йокогама молодому чиновнику по первому впечатлению и правда не понравилась. Он надеялся увидеть картинку с лаковой шкатулки: многоярусные пагоды, чайные домики, снующие по воде джонки с перепончатыми парусами, а тут **обычная европейская набережная. Не Япония, а какая-то Ялта**» [4].

Свое – «европейскость» – противопоставляется презумпции о том, что в этом отдаленном уголке земного шара герой романа/читатель встретит что-то специфичное, «колониальное», пропитанное местным колоритом, вместо этого мы встречаем хорошо знакомое, обычное – европейский приморский курортный город, в тексте это характеризуется типичным примером «какая-то Ялта». Базой этого ожидания является противопоставление туземный – цивилизованный, как и определяет Доронин: «В Йокогаме можно существовать **вполне цивилизованно, по-европейски**» [6].

Оценка выражается во взаимных наименованиях «чужого», например, пейоративная оценка проявляется и в выборе слов для обозначения «чужака». Японцы и их культура, верования упоминаются как туземные, выражение «туземец» – оценочное, противопоставлено развитости, цивилизованности: «Уроженец и коренной житель какой-л. (обычно далёкой, малоразвитой) местности или страны (в противоположность приезжему или иностранцу)» [КУЗНЕЦОВ 2000: 1351]. Слово «туземец» и производные от него встречаются в тексте романа 54 раза (*туземное поселение, ~ верования, ~ конкубина, ~ политика, ~ квартал, ~ правосудие, ~ курума, ~ Санчо Панса, ~ акцент, ~ джентельмен; орава туземцев, высокая для туземки, косоглазые туземцы, туземец-клерк, молодой туземец приличного вида* и другие). Японцы также называют европейцев различными наименованиями-прозвищами:

«Я, знаете ли, приехал в Японию во времена, когда здесь считалось патриотичным резать **гайдзинов**.

– Кто это?

– Мы с вами. **Гайдзин** значит «иностранец». Ещё нас тут называют **акахиэ** – «**красноволосые**», **кэтодзин**, то есть «волосатые», и **сару**, сиречь «**обезьяны**». А пойдёте гулять в Туземный город, детишки будут вас дразнить, делая вот так. – Консул снял очки, оттянул пальцами веки кверху и книзу. – Это значит «**круглоглазый**», считается очень обидно. Ничего, зато больше не режут почём зря. Спасибо микадо, разоружил своих головорезов» [7].

«... монах <...> не желал осквернять взор видом «**волосатого варвара**» [191].

«... изучить **иностраннных варваров**» [198].

Слово *гайдзин* занимает важное место в знаковой системе романа, с его помощью на уровне текста появляется сознательность постоянного деления мира на свое и чужое, осмысление и понимание чужого. На уровне дискурса реализуется японская и европейская точки зрения – то, как видят «чужаков»-иностранцев («патриотично резать гайдзинов»), которых называют нелестными прозвищами: «красноволосые, обезьяны, круглоглазые, варвары» отражает японские установки/ценности/верования. Таким образом, оценочность как системная характеристика пронизывает весь процесс встречи и концептуализации двух культур.

3. «Чужое» слово – японская лексика в романе

Не только главный герой романа знакомится с японской культурой и обычаями, но и читатель встречается с огромным количеством японских слов и выражений, имен нарицательных и имен собственных, географических названий («хэй-хэй-тя!»), *акахигэ, акума, гайдзин, дзинрикия, дзюдзюцу, каммэ, каюй, конкубина, курума, кэтодзин, нунтяку, омурасаки, йена, сакэ, сару, сёгун, сумотори, хара; Гондза, Гундари, Кидо, Обаяси, Окубо, Ракуэн, Сайго, Сацума, Сэмуси, Тануки, Тёсю, Томарэ, Фудо, Цурумакии* др.), многие из которых современному читателю знакомы, но в большинстве своем они являются экзотизмами и могли бы затруднить чтение и понимание текста. Однако писатель применяет определённые приемы (перевод в тексте, перевод в сноске, пояснение, повтор с переводом, употребление иноязычного слова в знакомом для носителя русской культуры контексте, что позволяет и без перевода понять его значение) для облегчения восприятия иноязычных включений, новые лексические элементы становятся доступны и понятны читателю. Таким образом не только герой романа знакомится с японской культурой и обычаями, но и читатель также проходит этот путь.

Подобные приемы ввода иноязычной лексики мы наблюдаем и в других произведениях Акунина, например, в случае полонизмов в романе Б. Акунина «Седмица Трехглазого» (вкрапления, без перевода, с частичным объяснением, с приведением русского эквивалента в узком или более широком контексте) [УРАЗБЕКОВА 2020: 225], однако специфика восприятия двух культур сильно различается с точки зрения межкультурных контактов: «Польский язык нередко воспринимается носителями русского языка как понятный, как искаженный русский» [УРАЗБЕКОВА 2020: 230]. Большое количество японских и английских слов – элементы «чужого» – ничуть не затрудняет чтение благодаря различным писательским приёмам, с помощью которых они встраиваются в текст: посредством многочисленных повторов, межъязыкового и межкультурного перевода и осмысления. Один из примеров такого осмысления мы видим в главе «Старая курума». Японское выражение появляется в заголовке главы и вызывает понятное недоумение и интерес читателя. С другой стороны, словосочетание вызывает презумпции из набора лексических сочетаний, знакомых носителю культуры.

«– Господин титулярный советник, я ожидал вас с пароходом «Волга» неделю назад, первого мая, – сказал консул, останавливаясь у красной лакированной *одноколки*, явно знававшей лучшие времена. – По какой причине изволили задержаться? <...>

Консул не стал продолжать нескромный допрос. От его прежней неприязненности не осталось и следа. Он взял молодого человека за локоть и потянул к *одноколке*.

– Садитесь, садитесь. Это самое распространённое в Японии *транспортное средство*. Называется *курума*.

Эраст Петрович удивился, отчего это в *коляску* не запряжена *лошадь*. В голове на миг возникла фантастическая картина: *чудо-повозка*, несущаяся по улице сама по себе, с оглоблями, выставленными вперёд наподобие алых щупальцев.

Курума с видимым удовольствием приняла молодого человека, покачав его на потёртом, но мягком сиденье. <...>

– В Японии у каждой твари и даже у каждого предмета имеется собственная душа. Во всяком случае, так веруют японцы. По-научному это называется «анимизм»... Ага, вот и наши *лошадки*.

Трое туземцев, весь гардероб которых состоял из обтягивающих панталон и скрученных жгутом полотенец на голове, дружно взялись за скобу, крикнули «хэй-хэй-тя!» и загрохотали по мостовой деревянными шлёпанцами.

– «Вот мчится *тройка удаляя* по Волге-матушке реке», – приятным тенорком пропел Всеволод Витальевич и засмеялся. <...>

– Это чудовищно! – передёрнулся Фандорин, давая себе зарок никогда больше не пользоваться этим постыдным *средством передвижения*.

<...> Сегодня, то бишь в нынешней жизни, тащишь на себе *тележку*, но если будешь тащить её честно, то завтра в *куруме* повезут уже тебя» [5–6].

Мы видим, как слово *курума* становится ключевым, создавая единство темы в приведенном фрагменте текста, а также служит ресурсом для метафоризации (*курума* – «жизненный путь»). Сначала употребляется название «одноколка», затем выражение «транспортное средство» с рефлексией над японским словом – «называется курума». Сахно упоминает, что неизвестное сопровождается сильнее выраженной экспликацией его характеристик [САХНО 1991: 95]. В процессе знакомства с предметом чужой культуры происходит отождествление с привычным и бросается в глаза отличие от привычного – «своего» – Эраст Петрович удивляется, так как не видит лошадей. Знакомый концепт – колесница, повозка, вызывает в сознании привычный фрейм – должны быть и лошади, тянущие повозку. Затем ситуация проясняется – повозку везут люди/рикши. Японское слово *курума* активизирует русский концепт «колесный транспорт» и связанные с ним предположения. Этот эффект только усиливает ироничное пение Доронина, которого забавляет возмущение Фандорина. Замена элемента «лошади» на элемент «люди/рикши» становится исходной точкой для размышлений о базовом различии в мышлении европейского и восточного человека – отношении к человеческой жизни.

«– Этаким *бедолага* пробегает за день вёрст шестьдесят. Зато плата по местным понятиям очень хорошая. Если повезёт, можно пол-йены заработать, это *по-нашему рублишко*. Правда, долго рикши не живут – надрываются. Годика три-четыре, и к Будде в гости.

– Это чудовищно! <...> Так *дёшево ценить свою жизнь!*

– К этому вам придётся привыкнуть. В Японии *жизнь стоит копейку* – и *чужая*, и *своя собственная*. А что им, *басурманам*, мелочиться? У них ведь Страшного Суда не предусмотрено, лишь долгий цикл перерождений» [5–6].

Представление «чужой» культуры сопровождается негативными оценками, Фандорин возмущен, консул также отзывается о японских верованиях

пренебрежительно – об этом свидетельствует экспрессивно окрашенная лексика, пренебрежительно-уменьшительные суффиксы («бедолага» с пометой разг., «басурмане» с пометой устар. неодобр, «рубл*ишко*»); этим оценкам противопоставляется оценка нарратора: «<...> в этом смехе (Доронина) слышалось не издевательство над туземными верованиями, а, пожалуй, нечто вроде зависти» [6].

Поверхностное отношение героев Доронина и Фандорина к японской культуре неким образом схожи, согласно общепринятым во время действия романа стереотипам «японское» оценивается как отсталое, получает негативную трактовку в противоположность «европейскости», но за уровнем стереотипа происходит живое осмысление японского мира.

Мы видим разные стратегии встраивания японских слов в текст романа в зависимости от точки зрения говорящего – в речи европейцев и японцев. В речи европейцев значение слова становится известным посредством вопроса и пояснения, происходит межкультурный перевод, а в речи героев-японцев это использование контекста, фрейма, базовых знаний о лексической сочетаемости концепта, на основе которых без труда выводится заключение о значении слова. В следующем отрывке описывается привычная карьера бойца банды якудза, а так как читатель имеет представление об иерархии вообще и иерархии преступных группировок, не составляет труда понять значение слова «оябун» – глава клана.

«К Тёбэй-гуми принадлежали и отец, и дед Тануки. С малолетства он мечтал, как вырастет, вступит в банду и сделает в ней большую и почтенную карьеру. Будет сначала учеником, потом бойцом, потом выслужится в маленькие командиры *вакасю*, затем в большие командиры *вакагасира*, а годам к сорока, если доживёт, станет самым *оябуном*, повелителем жизни и смерти полусотни храбрецов, и о его подвигах тоже станут сочинять пьесы для Кабуки и кукольного театра Бунраку» [13].

В данной цитате мы видим японские слова, которые даются с переводом и встраиваются в знакомый фрейм – это биография карьера члена преступной группировки или военной организации. Название позиции, занимаемой членами группировки в иерархии, дается по-японски с русским дубликатом, лишь последнее название – *оябун* – фигурирует в тексте без перевода, с описанием «повелитель жизни и смерти». Таким образом, значение слова легко может быть выведено из контекста и создаёт своеобразный стилистический эффект.

В следующем примере используется русская языковая структура разговорного фразеологизма «черт с ним», идиома является частотной, в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) фигурирует 801 раз.

«Иностранцы – *акума с ними*, пускай хоть сдохнут, но рикш было жалко» [12].

Основой для расшифровки японского текста служит устоявшееся выражение; в следующем отрывке это идиома со структурой 'что-то чем-то с места не сдвинешь', не слишком часто встречающаяся в русской речи, но все же знакомая носителю русского языка – в НКРЯ насчитывается всего 21 раз, в Генеральном Интернет-Корпусе Русского Языка (далее – ГИКРЯ) встречается 48 раз.

«Любого одолеет – конечно, кроме Рю, которого *с места и гайдзинской паровой курумой не сдвинешь*» [13].

В некоторых случаях читатель может опираться лишь на знакомую сочетаемость слова и контекст – прилагательные, сочетающиеся со словом *kokoro* – *правильное, гнилое, злое* в русском могут сочетаться со словом *сердце, правильное и гнилое* – редко, а *злое* – частотное сочетание:

«Наверно, нелегко горб таскать, подумал Маса. А жить с таким уродством разве легко? В детстве, наверно, мальчишки дразнили. Подрос – девушки воротили нос. Потому-то Сэмуси и получился такой подлый и злой. <...> Не в горбе дело, а в том, какое у человека *kokoro*. Если *kokoro правильное*, от горба станешь только лучше, а если *гнилое* – возненавидишь весь белый свет.

Тем временем обладатель *злого kokoro* миновал маленький мост» [77].

4. «Свой» язык – «чужой» язык

Разделение на «свое» и «чужое» проявляется и на уровне дискурса – в общении разноязычных героев романа между собой – герои романа говорят на разных языках, это отчасти отображается в тексте (вкрапления на английском, а также вкрапления на английском и японском, записанные кириллицей); очевидно, что автор должен соблюдать меру в использовании этого приема, чтобы не «перегрузить» читателя – ведь восприятие этих конструкций требует дополнительных усилий. Выбор языковых средств и использование ксенолекта отображает представление героев романа о том, как следует разговаривать с «чужаками».

Для отображения многоязычия диалогов романа используются различные писательские приемы. Не маркировано общение Фандорина на русском, или достаточно правильном русском, на котором говорит консульский письмоводитель Сирота. Фандорин с европейцами и некоторыми японцами, например, с Асагавой, общается на английском языке. Английские вкрапления время от времени появляются в романе с переводом. Использование чужого языка, однако, тоже может служить маркером обозначения собеседника как чужака. Тут мы видим примеры использования ксенолекта – это упрощенный вариант языка, на котором общаются с иностранцами. «...Мы определяем ксенолект как особый тип языковой вариативности, в основе которого лежит понятие чужеродности. Ксенолект характеризуется отличием от стандарта, наличием несвойственных нормированному языку структур и упрощенным словарем» [КАЛИНОВСКАЯ 2013: 84]. Наглядный пример ксенолекта – язык гангстера в притоне «Ракуэн»:

«Хозяин махнул рукой, сказал Фандорину на ужасающем английском:
– Want play? Want puh-puh? No want play, no want puh-puh – go-go» [18–19].

Интересным примером способа межкультурной коммуникации, представлений о коммуникации с «чужаками» является общение Фандорина с командиром Каматой:

«Общение с командиром отряда Каматой наладилось не без труда. Тот знал довольно много английских слов, но не имел никакого представления о грамматике, так что без привычки к дедукции понять его Фандорин вряд ли смог бы.

Например, Камата говорил:

– Хиафурумуибунингуцугоу, найтохотэрусупендо. Цумороумаунтинэнта.

Для начала Эраст Петрович, учитывая особенности японского акцента, возвращал фрагменты этой абракадабры в их исходное состояние. Получалось: «Here from evening to go, night hotel spend, tomorrow mountain enter». И лишь после этого прояснялся смысл: «Отсюда до самого вечера движемся, ночуем в гостинице, завтра попадаем в горы» [189–190].

Некоторое время читатель получает перевод диалогов в сносках, однако позже общение героев передается на русском, но сохраняет особенности ксенолекта – упрощенные грамматические структуры, дубликации, употребление названия собеседника в третьем лице, сниженную оформленность грамматики, падежей в «английской» речи японца.

«Ояма. Теперь вправо-вправо.

– Момоти Тамба, – сказал Камата на своём своеобразном английском. – Его дом. Остальные дома снизу не видно. <...>

– Не понимаю, как они туда п-попадают...

– Неправильный вопрос. – Командир «чёрных курток» смотрел не на гору, а на Эраста Петровича. Взгляд у него был одновременно испытующий и недоверчивый. – Правильный вопрос: как мы туда попадём? Я не знаю. Цурумаки-доно сказал, гайдзин придумает. Думайте. Я подожду» [192].

Диалоги Фандорина и командира Камата отражают процесс достижения понимания и на письме: сначала это совершенно непонятная «абракадабра» в кириллической транслитерации, затем английский текст, записанный латиницей, и его русский эквивалент. И наоборот, запись русского предложения латиницей указывает на русский текст, который японец Маса не понимает:

«Увидел прямо над собой блеснувшую полосу металла и зажмурился, но удара не последовало.

– Маса! – прошептал знакомый голос. – *Chut ne ubil!*» [218].

5. Заключение, итоги

В романе Бориса Акунина «Алмазная колесница» представлен процесс познания чужой культуры, который проходит главный герой, от стереотипного восприятия до живого понимания японской культуры. В данной статье были рассмотрены некоторые примеры способов проявления своего и чужого в художественном тексте, такие, как средства лексической стилистики и фоновые знания концептов русской культуры, на которых в процессе межкультурного перевода основывалось понимание нового, «чужого», концепта. Размещённое в такой структуре «чужое» слово, благодаря знаниям о структуре концепта и лексической сочетаемости, осмысливается и понимается без труда. Мы пришли к выводу, что одной из главных характеристик процесса познания чужой культуры является оценочность, то есть выражение «своего» и «чужого» в процессе соприкосновения двух различных культур сопровождается оценками, которые производятся различными, в основном стилистическими, средствами, в рассмотренных нами фрагментах текста.

Межкультурный диалог наблюдается и на уровне дискурса представителей разных культур. Общаясь друг с другом на своем языке или на языке-посреднике, герои романа создают вариант языка, соответствующий их представлению о том, как следует общаться с «чужаком».

Таким образом, в «Алмазной колеснице» Акунина знакомое лингвистическое оформление представляет рамку для понимания незнакомой, далекой для человека европейской культуры иноязычной лексики и концептов.

Библиография

- АНДРЮШЕНКО, Е.А. [ANDRÛŠENKO, E.A.] 2011: Средства репрезентации образа «чужого» в экономическом дискурсе (на материале британских СМИ) // Вестник Волгоградского Государственного Университета. Сер. 2, Языкозн. 1/13: 166–171 [Means of Representing the Image of “Other” in Economic Discourse (Based on British Media) // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2, Linguistics. 1/13: 166–171].
- АРУТЮНОВА, Н.Д. [ARUTÛNOVA N.D.] 1998: Язык и мир человека. Москва: «Языки русской культуры». [Language and the human world. Moscow: Azyki russkoj kul'tury].
- БЕЛОВА, О.В. [BELOVA, O.V.] 2008: Принципы описания и адаптации «чужой» культуры средствами «своей». [Principles of description and adaptation of “foreign” culture by means of “own”.] Etnolingwistyka. Problemy języka i Kultury, 20: 201–213.
- БОГОМАЗОВА, В.В. [BOGOMAZOVA, V.V.] 2015: Коммуникативная категория «чуждость» в судебном дискурсе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград. На правах рукописи [The communicative category of “strangeness” in judicial discourse. Dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Volgograd 2015 As a manuscript] <https://docplayer.com/27865540-Bogomazova-viktoriya-vladimirovna-kommunikativnaya-kategoriya-chuzhdost-v-sudebnom-diskurse-teoriya-yazyka.html> Дата обращения: 12.02.2022.
- ВАН ДЕЙК Т.А. [VAN DEJK T.A.] 1989: Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ. составление В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова. Москва: «Прогресс» [Language. Cognition. Communication: collection of works. compilation by V. V. Petrov; transl. from English. lang. ed. V. I. Gerasimova Moscow: Progress].
- ИССЕРС, О.С. [ISSERS, O.S.] 2017: Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. изд. 8-е, – Москва: «ЛЕНАНД» [Communicative strategies and tactics of Russian speech. ed. 8th, – Moscow: LENAND].
- КАЗАЧКОВА, А.В. [KAZAČKOVA, A.V.] 2015: Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 – начала 2000-х гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Н. Новгород. [Genre strategy of detective novels by Boris Akunin in 1990 – early 2000s. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences. N. Novgorod.] <https://www.dissercat.com/content/zhanrovaya-strategiya-detektivnykh-romanov-borisa-akunina-1990-nachala-2000-kh-gg> Дата обращения: 10.01.2022.
- КАЛИНОВСКАЯ, Е.А. [KALINOVSKAJÁ, E.A.] 2013: Ксенолект как феномен когнитивной лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, № 12 (30): в 2-х ч. Ч. II. с. 84–86. [Xenolekt as a Phenomenon of Cognitive Linguistics // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, Vol. 12 (30) 2p. in II. pp.84–86].

- КАРАСИК, В.И. [KARASIK, V.I.] 2002: Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена [Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena].
- КАШКИН, В.Б. [KAŠKIN, V.B.] 2004: Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: коллективная монография. Часть 2. Воронеж: ВГУ, 49–62 [Markers of own and other in intercultural dialogue // Mutual understanding in the dialogue of cultures: conditions for success: a collective monograph. Part 2. Voronezh: VSU, 49–62].
- КРЫСИН, Л.П. [KRYSIN, L.P.] 1968: Иноязычные слова в современном русском языке. Москва: «Наука» [Foreign words in modern Russian. Moscow: Nauka]
- КРЫСИН, Л.П. [KRYSIN, L.P.] 1977: Язык в современном обществе. Москва: «Просвещение» [Language in modern society. Moscow: Prosvešenie].
- КУБРЯКОВА, Е.С. [KUBRĀKOVA E.S.] 2004: Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН ИЯ. – Москва: «Языки славянской культуры» [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the cognition of the world / RAS IYa. – Moscow: Āzyki slavĀnskoj kul'tury].
- КУБРЯКОВА, Е.С. [KUBRĀKOVA E.S.] 2009: О концептах, схваченных знаком // Studia Linguistica XVIII. Актуальные проблемы современного языкознания. Санктпетербург: «Политехника-сервис» [On concepts caught by a sign // Studia Linguistica XVIII. Actual problems of modern linguistics. St. Petersburg: Politekhniko-service] 35–39.
- ЛАПТЕВА, М.Л. [LAPTEVA, M.L.] 2013: «Свое» и «чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Волгоград. На правах рукописи <https://www.dissercat.com/content/svoe-i-chuzhoe-v-kognitivno-diskursivnom-prostranstve-russkoi-frazemiki> Дата обращения: 12.02.2022. [“Own” and “other” in the cognitive-discursive space of Russian phrasemics, Dissertation for the degree of candidate of philological sciences. As a manuscript. Volgograd].
- ЛОТМАН, Ю.М. [LOTMAN, Ū.M.] 1969: О языке типологических описаний культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Т. IV. 460–478 с. [On the language of typological descriptions of culture // Proceedings on sign systems. Tartu, 1969. Vol. IV. pp. 460–478].
- ЛУРЬЕ, Л. [LUR'Ē, L.] 2000: Борис Акунин как учитель истории // Эксперт Северо-Запад. № 8 (15). URL: http://expert.ru/northwest/2000/08/08no-akunin_53821/. [Boris Akunin as a teacher of history // Expert Severo-Zapad. No. 8 (15)].
- ПЕНЬКОВСКИЙ, А.Б. [PEN'KOVSKI, A.B.] 2004: О семантической категории чуждости в русском языке // Очерки по русской семантике. Москва: Языки славянской культуры [On the semantic category of foreignness in the Russian language // Essays on Russian semantics. Moscow: Āzyki slavĀnskoj kul'tury] 13–49.
- САМОТИК, Л.Г. [SAMOTIK, L.G.] 2005: Язык «Турецкого гамбита» Б. Акунина. Очерк и словарь. КрасГПУ, Красноярск. [Language of “Turkish Gambit” B. Akunin Essay and Dictionary. KrasSPU, Krasnoyarsk].
- САХНО, С.Л. [SAHNO, S.L.] 1991: «Свое – чужое» в концептуальных структурах / С. Л. Сахно // Логический анализ языка: культурные концепты. Москва. [“Own – other” in conceptual structures / S. L. Sakhno // Logical analysis of language: cultural concepts. Moscow.] 95–101.

- СЕРЕБРЕННИКОВА, А.Н. [SEREBRENNIKOVA, A.N.] 2004: Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» коммуникации: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук/ Анна Николаевна Серебрянникова. Томск [Dialectal word with the semantics of “characteristics” – “otherness” of communication: Dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Asamanuscript. / Anna Nikolaevna Serebrennikova. Tomsk] <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000193915> Дата обращения: 10.01.2022.
- СОЛОМИНА, В.В. [SOLOMINA, V.V.] 2011: Смысловая дихотомия свой-чужой и ее смысловая репрезентация (на материале русскоязычных художественных текстов) [The semantic dichotomy of own and other and its semantic representation (on the basis of Russian literary texts)] // *Lingua mobilis* 5/31: 27–37.
- СТЕПАНОВ, Ю.С. [STEPANOV Ū.S.] 2001: Константы: словарь русской культуры. Москва: Академический проект. [Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow: Akademičeskij projekt].
- СТЕРНИН, И.А. [STERNIN, I.A.] 2018: Исследование значения как феномена языкового сознания. Монография. Алматы: издательств «Полилингва», [The study of meaning as a phenomenon of linguistic consciousness. Monograph. Almaty: “Polylingua”].
- СТЕРНИН, И.А. – ПОПОВА, З.Д. 2007 [STERNIN, I. A. – PEROVA, Z. D.] Когнитивная лингвистика. Москва АСТ: «Восток–Запад». [Cognitive linguistics. Moscow AST: „Vostok–Zapad”].
- СТОЯНОВА, Е. [STOJANOVA, E.] 2015: Языковая личность и восприятие мира в терминах дихотомии свой – чужой (на материале русской и болгарской фразеологии с компонентом ‘дом / структурные элементы дома’) [Linguistic personality and perception of the world in terms of the dichotomy of one’s own – foreign (on the material of Russian and Bulgarian phraseology with the component ‘house / structural elements of the house’)] *Verbum* 50: 195–204.
- УРАЗБЕКОВА, А.А. [URAZBEKOVA, A.A.] 2020: Полонизмы в романе Б. Акунина «Седмица Трехглазого» // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. [Polonisms in B. Akunin’s *The Sennight of the Three-Eyed*. Ural. feder. university Ser. 2: Human Sciences] 22/2 (198): 225–241.
- ЮЛДАШБАЕВ, А.Ф. [ŪLDASBAJEV, A.F.] 2011: Особенности выражения концепта свой-чужой в современных англоязычных фильмах // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. [Peculiarities of expressing the concept own or other in modern English-language films. // *Naučnije vedomosti. Series Human Sciences*] 18(113), 11: 164–169.
- ЮЛДАШБАЕВ, А.Ф. [ŪLDASBAJEV, A.F.] 2013: Реализация концепта свой/чужой посредством местоимений на базе английского фольклора // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. [Realization of the concept “own/other” by means of pronouns based on English folklore // *Naučnije vedomosti. Series Human Sciences*] 27(170), 20: 73–78.

Нава Ванда ШАХВЕРДОВА – Алина УРАЗБЕКОВА

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АКУНИН, Б. [AKUNIN, B.] 2015: Алмазная колесница. Москва: «Захаров» [The Diamond Chariot. Moscow: Zakharov].
- КУЗНЕЦОВ С.А. (ред.) [KUZNETSOV S.A. (ed.)] 2014: Большой толковый словарь русского языка. [The Large Explanatory Dictionary] Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: Санкт-Петербург: «Норинт», 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. [Ch. ed. S. A. Kuznetsov. First edition: St. Petersburg: Norint, 1998. Published in the author's edition in 2014].
- ГИКРЯ Генеральный Интернет-Корпус Русского Языка. [General Internet-Corpus of Russian] <http://www.webcorpora.ru> Дата обращения: 14.01.2022.
- НКРЯ Национальный корпус русского языка [National Corpus of Russian language] <https://ruscorpora.ru/new/> Дата обращения: 25.02.2022.

Нава Ванда ШАХВЕРДОВА
Дебреценский университет
Дебрецен, Венгрия
sahverdova@gmail.com

Алина Айжарыковна УРАЗБЕКОВА
Представительство Россотрудничества в Венгрии
Российский центр науки и культуры в Будапеште
alina.urazbekova@yandex.ru

